

Габдулганиев Дамир Рависович

студент

Федотова Диана Сергеевна

канд. юрид. наук, доцент

Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

г. Казань, Республика Татарстан

ГЕНЕЗИС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА: ОТ АРХАИЧНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ К АДМИНИСТРАТИВНОМУ И ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

Аннотация: в статье исследуется процесс дифференциации единых нормативных регуляторов первобытного общества на публичное и частное право, что в современной юриспруденции нашло выражение в гражданском и административном праве. На основе анализа мононорм, обычаев и властных институтов догосударственного периода прослеживается историческая преемственность между архаичными практиками управления и современными отраслями права. Рассматриваются признаки социальных норм первобытного общества. Делается вывод о том, что гражданское право унаследовало принципы равенства, автономии воли и восстановительной направленности ответственности, а административное право – функции властного управления и контроля, автономии воли и восстановительной направленности ответственности. Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем юридические, антропологические и социологические методы.

Ключевые слова: генезис права, мононормы, гражданское право, административное право, правовая культура.

Современный подход к изучению юридической науки требует глубокого понимания генезиса правовых институтов и образований. Поэтому изучение социальных регуляторов первобытного общества и догосударственных форм власти поможет проследить исторические истоки современного правопонимания и

появления формализованной правовой системы [1, с. 111] На фоне необходимости переосмысления концепции прав человека, природы легитимности публичной власти и соотношения традиционных регуляторов с позитивным правом историко-теоретический подход к истокам правового регулирования приобретает важную научную и методологическую значимость. Более того, этот тип вопроса обладает достаточным потенциалом для изучения современного гражданского и административного права в целом. Исторический опыт, указывает на то, что право не формируется на основе произвольной воли или абстрактного социального контракта. Вместо этого оно формируется объективно в ответ на увеличение сложности хозяйственных связей, повышение демографических требований и потребностей в скоординированной совместной деятельности. Синтез юридических, антропологических и социологических подходов позволяет преодолеть упрощённые линейные схемы развития государства, характерные для устаревших учебно-методических моделей [7, с. 45]. В современных условиях, когда вопросы легитимности власти, соотношения обычного права и законодательных актов, а также исторической обусловленности правовых культур выходят на первый план как в национальных, так и в международных правозащитных практиках, исследование первобытных регуляторов перестаёт быть исключительно академическим интересом. Оно становится инструментом для формирования критического взгляда на природу юридического императива, демонстрируя, что современная система защиты прав человека является результатом длительного исторического отбора наиболее эффективных механизмов ограничения произвола. Целью данной работы является результат определения, как единые моонормы дифференцировались в гражданское и административное право.

Стоит начать с того, что моонормы описывают ранние формы регулирования, где общественные, религиозные и правовые нормы были неразделимы [8, с. 237]. Они существовали еще до возникновения государств, например, в первобытных обществах. В древности люди видели распределение ролей между членами семьи как часть трудовой деятельности. Семья также жила по правилам веры. И эти же отношения строились на основе представлений о должном

поведении. В такой системе полномочия каждого человека соединены с его долгом. Примером письменного источника этого периода являются законы Хаммурапи. По своей структуре эти нормы не разделены на отдельные части. Для человека того времени право не существует отдельно от религии. Но и мораль действует вместе с обычными практическими советами. Одно правило определяет порядок ведения хозяйства и оно же устанавливает границы священного. С помощью того же правила люди оценивают поступки с точки зрения добра. На этом же основании группа сохраняет свое единство. В обществе работает цельный механизм контроля. Этот синкретизм не является признаком слабого ума древних людей. Напротив, такое устройство помогает обществу выживать. Когда вокруг много опасностей, единый закон работает быстрее. Если бы регуляторы разделились на сферы, это замедлило бы реакцию на угрозы. Из-за отсутствия специальных органов управления такое деление сделало бы поддержание порядка слишком дорогим. По этой причине правила существуют как единая система. Именно в этой нерасчлененности мы видим корни будущей дифференциации на гражданское и административное право: мононорма одновременно регулирует и имущественные обмены, которые заложили фундамент для частного права, и отношения с властью в качестве прообраза публичного права.

Социальная норма – это определённые правила, которые выступали в роли регулятора кровнородственных отношений, распределения пищи и брачных связей, базируясь на равенстве и принудительно соблюдаясь всем родом, где наказанием часто служила форма изгнания [3, с. 114]. Следует отметить, что социальные нормы первобытного общества представляют собой сложный, многоуровневый регуляторный комплекс, который не может быть сведён исключительно к бытовым или моральным правилам. В условиях отсутствия государства, письменности и классового расслоения именно эти нормы обеспечивали выживание коллектива, поддержание внутреннего порядка и адаптацию к окружающей среде. Содержание этих норм охватывало все сферы жизнедеятельности: от способов добычи пищи и распределения добычи до брачно-семейных отношений, разрешения конфликтов, погребальных практик и взаимодействия с миром духов. В

социальных группах люди реагируют на нарушения правил не случайно. Эти действия являются частями общей системы для сохранения стабильности в обществе [2, с. 35]. Иначе социальная норма первобытного общества – это исторически сложившееся, коллективно одобряемое и внутренне усвоенное правило поведения, обеспечивающее воспроизводство рода и его устойчивое существование в условиях экстремальной среды. Также необходимо проанализировать основные признаки социальных норм. В основном они проявлялись в лице обычаев – установившиеся модели поведения, которые стали привычными благодаря многократному повторению на протяжении долгого времени [5, с. 16]. То есть это одна из форм мононорм, представляющая собой привычку, унаследованный способ действий. Чтобы наиболее комплексно охарактеризовать данную составляющую, нам необходимо учитывать ключевые признаки подобных правил, которые и делали их тем самым универсальным регулятором того периода. Эти признаки, в свою очередь, содержат в себе зачатки будущего деления на публичное и частное право. Так, например, правила распределения и обмена тяготеют к гражданскому регулированию, тогда как императивные (запретительные) нормы, обслуживающие интересы всего рода, являются прообразом публичного и в том числе административного права.

Устный характер нормативной фиксации.

В период до появления государств многие правила не прописывались. По этой причине люди использовали только речь и запоминание. Правила поведения сохранялись в памяти всей общины. Передача этих сведений происходила через предания, а некоторая информация распространялась в ходе обрядов либо находилась в отражении тех или иных ритуалов. Особое место стоит придать старейшинам, которые также сообщали информацию широким кругам. Из-за такого способа фиксации система была подвержена легким изменениям. Так как конкретный текст отсутствовал, предписания подстраиваются под среду. На содержание влияют и демографические факторы, поэтому необходимо учитывать отношения между родами. Устная форма создавала определенные риски для точности знаний, поскольку нормы зависели от того, как человек помнит информацию.

Ярким примером могут послужить смысловые искажения, дезинформация, которая возникала при пересказе. Для разрешения споров эталона не было, в связи с тем, что его не оформляли официально. В научной литературе эта черта описывается в качестве доинституционального правотворчества [5, с. 95]. В этой ситуации нормативность не выражалась отдельным текстом. Это обусловлено тем, что она представляет собой целый процесс в рамках культуры. Эти действия постоянно повторяются и в повседневности. Также нормы воспроизводились во время определенных церемоний. Так, устный характер являлся не технической проблемой, а весьма привычной формой существования права на то время, именно это состояние соответствует тому, как была развита коммуникация в древнем обществе.

Механизмы поддержания и социального контроля.

В первобытных общинах люди соблюдали правила без участия специализированных органов наказания. На поведение индивидов влияли привычки, которые стали частью жизни всего общества того времени. Для поддержки порядка коллектив одобрял правильные действия и наделял определённого человека всевозможными формами поощрения. Обратная сторона реализовывалась посредством применения давления через ритуалы. Когда человек действовал необычно, это считали опасностью для связей внутри рода. В ответ на такие действия возникало осуждение со стороны других членов группы. Иногда нарушителя на время отделяли от остальных. Также практиковалось уменьшение доли пищи или материалов, которые выдавали человеку. В сложных ситуациях группу заставляли покинуть навсегда. Эти меры были нужны для восстановления равновесия в коллективе. При таких условиях целью было возвращение человека к общей деятельности. С позиции социологии права эти процессы показывают, как нормы становятся частью внутреннего мира личности. Стоит понимать, что для регуляции жизни нередко использовался авторитет старейшин. Поскольку за поступки одного человека отвечала вся группа, порядок поддерживался через постоянное наблюдение людей друг за другом. В повседневной жизни этот процесс происходил постоянно, так как все члены общины в определенной степени зависели друг

от друга. Именно здесь проступают контуры будущего публичного права, поскольку механизмы поддержания общего порядка основаны на властном принуждении коллектива, а не на частной инициативе.

Преобладание запретительных предписаний.

Нормативный дискурс архаичного общества характеризовался выраженной асимметрией в пользу запретительных норм, тогда как позитивные императивы носили производный и ситуативный характер. Доминирование системы табу объясняется когнитивной и функциональной целесообразностью: в условиях ограниченных ресурсов, высокой непредсказуемости окружающей среды и отсутствия развитых механизмов прогнозирования простейший регулятивный инструмент – чёткое обозначение недопустимого, он обеспечивал максимальную выживаемость группы. Запреты касались широкого спектра поведенческих актов: пищевых практик, брачных связей, сезонной охоты, ритуальных контактов, обращения с предметами, наделяемыми сакральным статусом. Важно отметить, что в данной системе отсутствовало современное понимание субъективных прав и корреспондирующих им обязанностей, поскольку норма мыслилась не как гарантия личной свободы, а как ограничение, направленное на предотвращение дисбаланса в природно-социальной системе. Табуирование выступало формой превентивной регуляции, где нарушение воспринималось не столько как аморальный поступок, сколько акт, способный спровоцировать коллективную катастрофу в виде неурожая, эпидемии, межродового конфликта. Таким образом, запретительная архитектура норм отражала стратегический приоритет группового выживания над индивидуальными притязаниями и формировала основу для последующей кристаллизации правовых императивов, в частности, публично-правовых административных запретов, обеспечивающих безопасность и общественный порядок

Природная обусловленность нормативных установлений.

В первобытном обществе люди не отделяли свои действия от окружающего мира. Порядок поведения сложился как часть уникальной биологической среды. На эту систему влияло огромное количество разнообразных факторов, без

которых на существование человека накладывалась определенная нагрузка. К таким факторам относят: смену времен года, пути перемещения животных, доступ к необходимому количеству ресурсов, той или иной территории [6, с. 112]. При создании норм учитывались и опасности в самой природной среде. В качестве стратегий выживания возникли правила, которые помогали людям приспосабливаться к миру, за счет чего такие модели помогали людям взаимодействовать с окружающей средой наиболее эффективным способом. К примеру, определенные правила прослеживались при обозначении конкретных участков леса, на которых нельзя было приготавливать пищу, чтобы пожар не принес значительный ущерб как хозяйству, так и самой общине. В другие периоды действовали ограничения на преследование зверей. Для сознания того времени было характерно восприятие реальности в качестве единого целого, то есть деятельность людей в этой картине мира является элементом общего устройства вселенной. Так как технологии не позволяли управлять средой, человек усваивал внешние рамки как свои внутренние убеждения. Ритмы природы при таком подходе становятся обязательными требованиями абсолютно для всех участников группы. Юридическая антропология рассматривает этот процесс как перенос физических условий в культуру. Нормы не просто управляли взаимоотношением между людьми, но и определяли реальные условия жизни при собирательстве и охоте. Из-за этого природа выступает основой, которая создает правила жизни в древнем обществе. Эти экологические императивы впоследствии трансформируются в гражданские договорные конструкции (из правил распределения) и в публичные предписания (например, административные правила природопользования).

Ориентация на общеплеменные интересы.

Изначальные правила возникли из необходимости того, чтобы общность сохранилась. Для этого каждое требование к действиям объединяло род в единое целое. При этом личная независимость не обеспечивалась защитой. Когда человек совершал поступки, он не думал о юридической выгоде. Вместо этого действовала логика сохранения группы. Для каждого участника благополучие существовало только в рамках стабильности его племени. На основе этих правил люди

помогали друг другу. Ими признавалась общая ответственность за проступки. Из-за этих норм ресурсы делились поровну между всеми членами. Также существовал запрет на владение вещами, которые группа не могла применить в ближайшее время, а в случае возникновения споров, их решали не через поиск личной вины. Напротив, участники стремились восстановить нарушенное равновесие. Посредством таких действий стороны снова становились частью единой социальной системы для взаимодействия. С помощью интегративной функции такие правила соединяли семьи в одну социально-экономическую единицу. С научной позиции эта модель описывает догосударственный этап развития норм. Здесь в центре присутствуют обе ветви права: частная – через механизмы распределения и компенсации, а также публичная – через защиту общих интересов и административное принуждение.

Формы реализации властных институтов были связаны с ритуалом и публичными проявлениями. Власть не могла существовать в тишине – её постоянно нужно было подтверждать через обряды, речи, обмен дарами, совместные трапезы. Решение совета скреплялось символическими действиями: разбиванием сосуда, забиванием копья в землю, всеобщим возлиянием. Отсутствовало чёткое разделение на законодательную и исполнительную ветви – один и тот же орган (совет старейшин) мог установить норму, применить санкцию и проконтролировать исполнение, поскольку власть воспринималась как продолжение коллективной воли. Именно эти институты стали прямым прообразом современного государственного управления – одной из ключевых сфер административного права. Собрания, советы, вожди выполняли функции, которые сегодня закреплены за органами исполнительной власти: принятие общеобязательных решений, контроль за их соблюдением, разрешение споров, применение мер принуждения. Таким образом, административное право уходит корнями в практики публичной власти первобытного общества. Необходимо учитывать, что правила поведения еще не были полноценным правом, но заложили основу для его будущего появления. Мы можем заметить, что с возникновением государства некоторые из этих правил сохранились, но теперь их соблюдение обеспечивалось государственной

властью. Таким образом, право развивалось от неформальных правил к государственно-обеспеченным обычаям, затем к писаным законам и, наконец, к системе нормативно-правовых актов, где находят своё место как гражданское, так и административное право.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что административное право в виде отрасли публичного права берёт своё начало в управленческих институтах первобытности. Советы старейшин, собрания общин и военные вожди – это первые органы, которые принимали решения, обязательные для всей группы, контролировали их исполнение и применяли санкции к нарушителям. Сегодня аналогичные функции выполняют органы государственной власти и местного самоуправления, а административно-правовые нормы регулируют порядок их деятельности, процедуры принятия решений и административную ответственность. Принцип публичности и коллегиальности, характерный для архаичных собраний, сохранился в современных административных процедурах (общественные слушания, совещательные органы). Проведённый анализ позволяет утверждать, что административное право в виде отрасли публичного права берёт своё начало в управленческих институтах. Ограничение доступа к ресурсам, уменьшение доли добычи, материальное возмещение ущерба – всё это стало прообразом современных гражданско-правовых способов защиты. Отношения обмена, которые в первобытности регулировались обычаями и были направлены на сохранение баланса, трансформировались в договорные обязательства, где стороны выступают как равноправные субъекты. Принцип равенства участников гражданских правоотношений, их имущественной самостоятельности и восстановительной направленности ответственности – прямое наследие архаичной практики, когда спор между двумя членами общины решался путём компенсации, а не репрессии. Таким образом, разделение права на публичное и частное не является искусственным конструктом; оно отражает глубинную дифференциацию общественных отношений, которая зародилась ещё на догосударственном этапе. Гражданское право унаследовало принципы равенства, автономии воли и имущественной ответственности, а административное право – функции властного управления и

контроля. Вместе они составляют две взаимодополняющие ветви современной правовой системы, общий корень которых лежит в единых мононормах первобытного общества.

В результате проведённого исследования мы приходим к выводу, что право и государственная власть не возникают внезапно, как результат чьей-то воли или абстрактного общественного договора. Они создавались постепенно, впитывая в себя накопление опыта коллективного выживания, нормативной саморегуляции и совместной деятельности. Социальные нормы первобытного общества представляют собой целостную регулятивную систему, в которой хозяйственные, брачно-семейные, ритуальные и межгрупповые отношения регулировались единым нормативным полем – мононормами. Ключевой характеристикой этого поля выступал нормативный синкретизм: нормы не разделялись на право, мораль и религию, поскольку для архаичного человека эти сферы были неразличимы. Именно эта гибкость и органичность обеспечивали устойчивость системы на протяжении тысячелетий. Архаичное общество не нуждалось в специализированном карательном аппарате для поддержания порядка. Санкции носили восстановительный, а не репрессивный характер. Их эффективность выражалась не в страхе перед наказанием, а в глубине интернализации норм, прозрачности социальных связей и коллективной заинтересованности в сохранении рода. Порицание, временное ограничение доступа к ресурсам, изменение статуса в системе обмена или, в крайних случаях, исключение – всё это были инструменты реинтеграции, а не изоляции. Власть требовала непрерывного подтверждения через обряды и символические жесты; любая попытка выйти за рамки обычного права встречала коллективное сопротивление. Именно в этом заключался главный механизм сдержек и противовесов первобытной демократии, который впоследствии лёг в основу публичного права. Особое значение для современной юриспруденции имеет вывод о том, что гражданское и административное право, несмотря на их очевидные различия, имеют общий исторический корень – единые мононормы первобытного общества. Компенсационные механизмы и обменные практики трансформировались в гражданско-правовые обязательства и способы

защиты нарушенных прав, а управленческие функции старейшин и собраний – в институты государственного управления и административной ответственности. Таким образом, изучение архаичных регуляторов позволяет глубже понять природу современных отраслей права, их взаимосвязь и историческую обусловленность. С методологической точки зрения исследование подтверждает продуктивность междисциплинарного подхода – синтеза антропологии, этнографии, археологии. Именно такой подход позволяет преодолеть линейные эволюционные схемы и увидеть первобытное общество как самодостаточную нормативно-управленческую систему со своей внутренней логикой, эффективностью и конкурентностью. Опыт догосударственной регуляции показывает, что устойчивость системы зависит не от жёсткости санкций, а от степени доверия общества к нормам, прозрачности процедур принятия решений и восстановительной направленности ответственности – принципов, которые остаются актуальными и для современного гражданского и административного права.

Список литературы

1. Габдулганиев, Д. Р. Генезис российского права / Д. Р. Габдулганиев // Междисциплинарные подходы в современной науке: вызовы, достижения и перспективы : материалы международной научно-практической конференции (г. Воронеж, 5 декабря 2025 г.) / НИИ «Аэтерна». – Воронеж : Аэтерна, 2025. – С. 111–115.
2. Кулапов, В. Л. Обычное право в системе нормативного регулирования первобытного общества / В. Л. Кулапов, О. В. Соколова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 6. – С. 32–40.
3. Порватова, Л. В. Властные институты и социальные нормы в первобытном обществе: историко-правовой аспект / Л. В. Порватова // Актуальные проблемы теории и истории государства и права : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург : Астерион, 2022. – С. 113–117.
4. Розов, Н. С. Становление социальных норм в антропогенезе: опыт номологического объяснения / Н. С. Розов // Ideology and Politics Journal. – 2022. – № 1. – С. 90–115.

5. Теория государства и права : электронное учеб. пособие / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2021. – 150 с.
6. Хобель, Э. А. Право первобытного общества / Э. А. Хобель; под ред. И. Л. Честнова; пер. с англ. – Санкт-Петербург : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. – 350 с.
7. Честнов, И. Л. Антропология права : учебник для вузов / И. Л. Честнов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : ИВЭСЭП, 2023. – 300 с.
8. Шепталин, А. А. К вопросу о теоретико-методологических основах реконструкции генезиса права и государства / А. А. Шепталин // Государство и право. – 2021. – № 4. – С. 85–93.